

Отражение военных знаний в фольклоре нанайцев

Роман Витальевич Гвоздев,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: groma@inbox.ru

В статье рассматривается традиционный фольклор как ценный источник информации о военных знаниях нанайцев, которые в середине XIX в. находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. Отмечается, что для указанного периода были характерны небольшие родовые столкновения представителей данного этноса с инородцами, среди которых также присутствовали выходцы из Китая. Постоянные вооружённые формирования и профессиональные воины у нанайцев отсутствовали, но занятие охотой позволяло им сохранять все необходимые воинские навыки, а традиция взаимной поддержки на промысле способствовала успешной организации коллективного отпора в случае возникновения межродовых конфликтов.

Обращение к фольклорным источникам показало, что наибольшее количество материала дают исторические предания — жанр, который отличается отсутствием фантастических персонажей, а потому может восприниматься как достоверное историческое свидетельство. Основное содержание преданий у нанайцев составляли межродовые отношения и конфликты, чьей причиной являлись невыдача женщин и месть за пролитую кровь. Вместе с тем зафиксировано, что у данного этноса сложились эффективные способы предотвращения обескровливающей род конфронтации. В миротворческом процессе особая роль принадлежала авторитетным представителям родственных групп и женщинам. На основе анализа фольклорного материала автором предпринята попытка выявить характерные черты традиционных военных знаний нанайцев, включая особенности вооружения и способы борьбы с противником. **Ключевые слова:** нанайцы, традиционные военные знания, межродовые конфликты, фольклор, исторические предания, эпический герой, кровная месть.

Reflexion of military knowledge in Nanai folklore.

Roman Gvozdev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: groma@inbox.ru.

The article examines the traditional folklore as a valuable source of information about military knowledge of the Nanais during the decay of the primitive communal system in the middle of the nineteenth century. It is mentioned that some tribal conflicts of the Nanais with the outlanders were common for this period;

the immigrants from China were also among them. The Nanais had no constant paramilitary forces and professional warriors, but hunting allowed them to preserve all their military skills; a tradition of the mutual support favoured successful organization of collective repulse in case of tribal conflicts.

Appeal to folklore sources showed that most of materials are presented by historical legends — a genre which is characterized by the absence of fantastic characters; that's why, it is perceived as authentic historical evidence. The main content of the Nanai legends was tribal relations and conflicts because of non-granting of a woman and vengeance for spilled blood. It is also ascertained that this ethnos had effective preventing methods against such confrontation. Authoritative representatives of kindred groups and women had the main role in a peacekeeping process. Basing on the analysis of folklore material, the author tried to reveal the outstanding characteristics of traditional military knowledge of the Nanais including military features and fight with the enemy.

Keywords: Nanais, traditional military knowledge, tribal conflicts, folklore, historical legends, epic hero, blood vengeance.

Фольклор у бесписьменных народов имел особенное значение для сохранения их традиционного уклада. Информация, отражённая в преданиях и мифах, формировала сознание, волю, знакомила с обычаями, нормами и историей рода. По данным произведений нанайцы представляли исторический ход жизни своего этноса и различали определённые периоды: *нимнакан* — самый древний, «когда земля начинала становиться», и *булэмэжит* — время войн и расселения. Фольклорные материалы позволяют судить об истоках военных знаний, а также о возможном культурном взаимовлиянии народов в этой области. Традиции, связанные с войной, передавались устно в форме мифов, легенд и сказок, представлявших своего рода иррациональный аспект подготовки охотника-воина. Мы рассмотрим, какие военные навыки нанайцев нашли своё отражение в фольклоре, какую трактовку в нём получает понятие «война», обнаружим примеры разрешения вооружённых конфликтов и тактики ведения сражения. Чтобы структурировать традиционные представления данного этноса о войне, будут проанализированы два основных вида фольклорных источников нанайцев: героические сказания и исторические (родовые) предания.

В первую очередь следует обратиться к героическим сказаниям, в которых отражены сюжеты о борьбе природных явлений между собой: гор и моря, гор и леса. Сражение зимы и лета является предтечей более позднего противостояния добра и зла. Возможно, у нанайцев именно здесь берёт своё начало концепция такого явления, как война.

В мифах есть сведения и об изобретении, изготовлении и применении традиционного оружия охотника. Например, сюжет о том, как появление лука сделало человека сильнее зверя.

Особое внимание в героических сказаниях сосредоточено на богатырских подвигах. Согласно фольклору, одним из главных лиц рода был богатырь *мэргэн* [8, с. 571]. Он выступал прежде всего как защитник и лидер

во время вооружённых конфликтов, а не как мудрый руководитель. Даже в мирное время можно чётко проследить эти различия. Например, охоту возглавлял старейшина, но при обнаружении зверя он передавал инициативу в руки самого сильного и ловкого *мэргэна*. Поскольку обязанности первого охотника и военного вождя часто совмещались в одном лице, есть основания предполагать, что во время вооружённых конфликтов функции старейшины и военного лидера распределялись таким же образом. Решения принимал старейшина, а их исполнение лежало на плечах вождя, который мог проявлять инициативу только в бою. Согласно героическим сказаниям, *мэргэн*-одиночка, убив сильнейшего богатыря или вождя, сам становился во главе рода и управлял им [1, с. 195].

В героических сказаниях имеются описания различных видов вооружения, в т.ч. и защитного. Иногда это вполне обычные образцы, использовавшиеся в воинской практике. Например, эпический богатырь Аранта облачается в железную кольчугу, когда понимает, что без неё не одолеть сильного врага [1, с. 173]. Но гораздо чаще встречаются упоминания о неправдоподобном, утрированном способе защиты. Так, в одной из сказок, чтобы уберечь голову, герой надевает семь железных котлов. По традиционным представлениям, оружие имеет свою душу и характер. Например, герой-*мэргэн* Гарбилдан общается со своими стрелами: «Ну стрела, ты не стариком сделанная, а три поколения пережившая. Люди говорят о тебе, что ты — стрела, имеющая духа-помощника, и обладаешь адской силой» [1, с. 171]. В некоторых фольклорных памятниках прослеживается маньчжурское влияние. В сказке-*нингман* «Младший брат служанки» герои используют лошадь и меч, что, как известно, не характерно для нанайского быта [6, с. 231]. Также могут упоминаться солдаты, т.е. профессиональные воины, которых не было у нанайцев [6, с. 387].

Часто, оказавшись во время сражения в тяжёлом положении, *мэргэн* прибегал к помощи магии, например, призывал духов-помощников: «Братец (обращаясь к *сэвэну*), я попал в большую беду, на трудное дело поднялся. Мою душу, находящуюся в прибрежном доме, отнеси в дом, стоящий выше на горе!» [1, с. 179]. Таким способом герой старался надёжно спрятать свою душу, ведь пока она находится в недостижимом для врага месте, *мэргэн* непобедим.

У народов юга Дальнего Востока, в частности и нанайцев, духом-помощником могла быть белая птица [4, с. 47]. *Сэвэн* не только приходил в трудный момент на помощь воину, но и являлся порой его наставником. Однако магические правила предписывали не раскрывать сразу свои карты. Перед битвой главный герой на предложение врага обратиться к духам-помощникам отвечает: «У нас нет сэвэнов. Ты придумал, ты и назови своих сэвэнов». Таким образом воин пытался выведать, где находится душа его противника [6, с. 165]. Узнав, у каких *сэвэнов* тот прячет её, *мэргэн* просил жену-шаманку перехватить душу. Отголоски подобной охранительной магии существуют и сейчас, когда в ответ на просьбу назвать своё имя мы говорим «меня зовут так-то...». Этим словесным оборотом человек словно скрывает своё истинное имя, сообщая только, как его зовут другие [5, с. 159—160].

В героических сказаниях упоминаются случаи использования героем в сражении необычных предметов, наделённых особыми свойствами. В эпосе

«Старик Халатон» *мэргэн* для победы над сильным противником прибегает к средству, распространённому в магических ритуалах многих народов, в частности в культе вуду. Это *чаоло*-птенец, в теле которого заключена душа врага. Убив *чаоло*, богатырь уничтожает и своего противника [6, с. 127]. Иногда в роли *чаоло* мог выступать и младенец. Враги, в свою очередь, призывали на помощь магические силы — дракона *пуймура* или железного духа-охранителя *аями*. Более того, самый сильный вражеский воин являлся одновременно и могучим шаманом [6, с. 139, 149, 153]. Некоторые другие обряды из области военной магии нанайцев также находят аналогию в мировой практике. У многих народов считалось, что части тела побеждённого врага способны придать силу победителю. Так и в нанайском *нингман* «Пунтуэ Мэргэн» старик хочет сделать из бедра *мэргэна* кольцо, которое использовалось при стрельбе из боевого лука для натягивания тетивы. Видимо, этот предмет должен был обладать необычайной силой [6, с. 87].

Стоит отметить и отражение в нанайском фольклоре активной роли женщин в вооружённых конфликтах. Причём в большей степени это относится к героическим сказаниям. Жёны вместе с мужьями принимают участие в странствиях. В пути они соревнуются со встречными богатырями, вступают в схватки, мстя за убитого супруга. В *нингман* найхинских нанайцев есть эпизод, в котором девушка-богатырь сражается с шаманом и тремя его племянниками, пришедшими отомстить за родственника по закону кровной мести. Борьба носит во многом ритуальный характер, племянники нападают по очереди [1, с. 101—102]. В другом повествовании женщина-воительница приходит на помощь *мэргену* и убивает злого чёрта [1, с. 141].

Как правило, такая героиня (*пудин*) всё же не является главным действующим лицом сказаний, а изображается как помощница. В некоторых случаях она участвует в бою наравне с мужчинами. Иногда именно такое вмешательство склоняет чашу весов в пользу *мэргэна*, например, в эпосе «Гарилдан и Гарбилдан» в схватке равных соперников *пудин* выступает на стороне главного героя и вынуждает его врага отступить [6, с. 145].

Часто женщина прибегает и к магическим действиям. Во время одной из схваток *пудин*, выдернув свою правую руку из плеча и подпалив её на огне, протягивает *мэргэну* это «оружие», чтобы с его помощью герой смог одолеть могучего противника [6, с. 153, 163]. Рука в данном случае обладает сверхъестественными свойствами, т.к. считается связанной с духами-помощниками.

Пудин традиционного фольклора наделена сверхъестественными способностями, даже медицинская помощь, которую она оказывает, состоит из магических действий. В одном из текстов жена *мэргэна* приказывает гигантской крысе проглотить раненого супруга и варит их в котле. В результате раны мужчины заживают, а его тело становится неуязвимым для холодного оружия [6, с. 147].

Родовые предания, характеризующиеся отсутствием фантастических персонажей, наиболее устойчивы, т.к. по ходу их исполнения нельзя было менять сюжет и даже детали. За соблюдением точности следили слушающие. Это обуславливалось потребностью сохранять память о происхождении родов, о предках, местах их проживания, особенностях быта. В некоторых случа-

ях люди помнили все поколения своего рода вплоть до непосредственных героев преданий. Основное содержание повествований составляли межродовые отношения и столкновения, причиной которых являлись невыдача женщин, неудачное сватовство, месть за пролитую кровь. В редких случаях говорилось о захвате и похищении женщин в отсутствие мужчин. У многих этнических групп функция сказителя совпадала с функцией шамана. В преданиях также нашли отражение взаимоотношения с другими этносами (браки и войны).

Как известно, у нанайцев была общинно-родовая военная организация. В случае межродовых конфликтов в качестве военной силы выступала вся семья или община, что нашло отражение в фольклоре. Например, в одном из устных рассказов удэгейцев повествуется о многолетнем конфликте с нанайским родом. Удэгейцы убили нанайского торговца, уличённого в нечестности. Конфликт развивался по правилам родовой войны. Нанайцы, движимые чувством кровной мести, практически полностью истребили удэгейцев, проживавших в районе убийства. Среди пострадавших оказался непричастный к вражде удэгейский род. Последний его представитель продолжал мстить нанайцам в течение долгих семи лет, а потом узнал, что конфликт возник из-за удэгейцев. Он не стал мстить виновному роду, взяв в качестве выкупа семь невест для своих сыновей. Это наглядно характеризует способы разрешения родовых конфликтов у данных этносов [7, с. 32]. Есть и другие свидетельства столкновений между представителями данных народов [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 623. Л. 42].

В одном из преданий нанайцев описывается их вражда с красными волками. Говорится, что ранее эти животные с красноватой шерстью обитали там, где теперь живут люди [1, с. 200]. Известно, что *нюнхы* — самоназвание самаргинских удэгейцев, означающее «красные волки», от которых они якобы произошли [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 623. Л. 44]. Таким образом, источник указывает на имевшие место в прошлом вооружённые конфликты нанайцев и удэгейцев.

В нанайских *нингман* сохранились сюжеты о боевых действиях этого народа в составе маньчжурских войск [3, с. 105]. Упоминается о насильственном переселении побеждённых на территорию победителей [1, с. 195]. Пленников из числа мужчин, если не убивали сразу, оставляли на положении рабов [6, с. 133]. Девушек из побеждённого рода часто брали в жёны [6, с. 129]. Даже сражаясь с представителями неродственных им в культурном плане этносов, нанайцы придерживались своих принципов ведения войны. Так, в одном из родовых текстов упоминается, что племя *солон* (нанайцы, проживавшие в верховьях р. Амур), желая отомстить маньчжурам за смерть шамана, убивает дочь правителя и после этого скрывается в тайге [6, с. 403].

В преданиях имеется информация, как воевали и какими воинскими навыками обладали нанайцы. Известно, что часть сражений происходила на реках. В качестве засад могли использоваться заторы из камней [6, с. 139]. В начале, как правило, враги осыпали друг друга градом стрел и, лишь когда они заканчивались, переходили к ближнему бою. В случае утраты холодного оружия или неэффективности его применения последним средством одолеть соперника считалась борьба. Мы встречаем также упоминание

о некоторых специфических умениях героев, например, им могло быть подвластно искусство ловли стрел и уклонения от них [6, с. 143—145].

Ведение войны в условиях родового строя сопровождалось большим количеством неписаных правил и ритуалов. Это объясняется тем, что конфликты несли потенциальную угрозу всему сообществу, а не только принимавшим в них непосредственное участие. Да и потеря кормильца являлась большой бедой для рода. Поэтому не всегда вооружённые столкновения заканчивались кровопролитием. Иногда они напоминали не столько смертельную битву, сколько спортивное состязание. Чаще всего соревновались в борьбе [1, с. 140]. В нанайском *нингман* «Женщина Амбар» герой-*мэргэн* вступает в схватку с другими *мэргэнами*. Подчёркивается, что он не использует оружие, а борется с ними, «бросая» в разные стороны. Кроме того, среди наиболее опытных и сильных воинов был распространён обычай, похожий на японские «рыцарские странствия» *муса сюгё*, когда богатырь в поисках достойных соперников путешествовал от стойбища к стойбищу.

Фольклорный материал родовых преданий позволяет судить об отдельных особенностях защитного вооружения нанайцев: «...одежда Тумали — железо, наша — шкура» [1, с. 242]. Некоторые военные обычаи и представления, связанные с традиционным костюмом, также находят отражение в фольклоре. Так, перед сражением халат выворачивали на левую сторону. Если во время схватки воин погибал, то его хоронили в этой же одежде, вывернутой наизнанку. На бой выходили, подпоясавшись.

В родовых преданиях роль женщины при вооружённых конфликтах гораздо скромнее, нежели в героических сказаниях. Это, возможно, обусловлено более древним происхождением мифов и даже отголосками матриархата, когда и функции женщины являлись несколько иными. Но наиболее вероятно, что в сражениях участвовали только мужчины, а частое упоминание в сказаниях женщин объясняется той своеобразной ролью, которую они играли при вооружённых столкновениях. Ведь в сознании нанайцев именно женщина часто была связана с потусторонним миром, магией и колдовством, что и отражено в мифах.

Таким образом, фольклор — один из важных источников, сохранивших традиционные военные знания нанайцев [2, с. 613]. В первую очередь это касается родовых исторических преданий и героических сказаний, анализируя тексты которых, мы можем с уверенностью сказать, что имеем дело с двумя принципиально разными группами источников. В поздних родовых преданиях обнаруживается много фактического материала, т.к. они наиболее близки к исторической действительности (мы находим в них описание вооружённых конфликтов, происходивших в реальности). В героических сказаниях внимание уделяется преимущественно личности самого воина-*мэргэна* и его понимание войны в религиозно-магическом и философском контексте. Действует он, исходя из ценностей (нормы поведения, понятие справедливости), присущих представителю родового общества. *Мэргэн* и его оружие наделяются сверхъестественными свойствами, а в схватке герою помогают духи-помощники. Сопоставление фольклорной информации с этнографическими наблюдениями и данными других исторических источников позволяет выявить характерные особенности традиционных военных знаний нанайцев.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. 256 с.
2. Гвоздев Р.В. Этнические особенности военных знаний, выраженные в фольклоре тунгусо-маньчжуров и нивхов // Тихоокеанская Россия в междивизиационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.) / отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 609—615.
3. Киле Н.Б. Этнокультурные связи нанайцев (по материалам фольклора) // Проблемы историко-культурных связей народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 103—111.
4. Лебедева Ж.К. Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск: Наука, 1982. 113 с.
5. Мифы древней Скандинавии. М.: ООО «Издательство Астрель», 2001. 465 с.
6. Нанайский фольклор: Нингман, сиюхор, тэлунгу. Новосибирск: Наука, 1996. 478 с. (Памятники народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 11).
7. Подмаскин В.В., Киреева И.В. Удэгейские мифы, легенды и сказки. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. 216 с.
8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 672 с.
9. Арх. ИИАЭ ДВО РАН.

REFERENCES

1. Avrorin V.A. *Materialy po nanajskomjuazyku i fol'kloru* [Materials about the Nanai language and folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 256 p. (In Russ.)
2. Gvozdev R.V. *Etnicheskiye osobennosti vojennyh znaniy, vyrazhennyje v fol'klоре tungsomanchzhurov i nivhov* [Ethnic characteristics of military knowledge presented in folklore of the Manchu-Tungus and the Nivkhs]. *Tihookeanskaja Rossija v mezhcivilizacionnom i obshherossijskom prostranstve: proshloje, nastojashheje, budushheje (Sed'myje Krushanovskije chtenija, 2011 g.)* [Pacific Russia in civilizational and All-Russian space: past, present, future (The Seventh Krushanov Readings, 2011)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2013, pp. 609—615. (In Russ.)
3. Kile N.B. *Etnokul'turnyje svjazi nanajcev (po materialam fol'klora)* [Ethnocultural relations of the Nanais (folklore materials)]. *Problemy istoriko-kul'turnyh sv'azej narodov Dal'nego Vostoka* [Problems of historical and cultural relations of the peoples of the Far East]. Vladivostok, DVO AN SSSR Publ., 1989, pp. 103—111. (In Russ.)
4. Lebedeva Zh.K. *Epicheskiye pam'atniki narodov Krajnego Severa* [Epic monuments of the peoples of the Far North]. Novosibirsk, Nauka Publ, 1982, 113 p. (In Russ.)
5. *Mify drevnej Skandinavii* [Myths of ancient Scandinavia]. Moscow, ООО Izdatel'stvo Astrel' Publ., 2001, 465 p. (In Russ.)
6. *Nanajskij fol'klor: Ningman, siohor, tehlungu* [Nanai Folklore: Ningman, Siokhor, Telungu]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, 478 p. (In Russ.)
7. Podmaskin V.V., Kireeva I.V. *Udegejskije mify, legendy i skazki* [Udege myths, legends and tales]. Vladivostok, IIAJe DVO RAN Publ., 2010, 216 p. (In Russ.)
8. *Sravnitel'nyj slovar' tungsomanchzhurskih jazykov: Materialy k etimologicheskomu slovar'u. T. 1* [Comparative dictionary of the Tungus languages: Materials for the etymology dictionary. Vol. 1]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 672 p. (In Russ.)